## **IEJOBEK**

Иллюстрированный научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 1990 году академиком И.Т. Фроловым

№ 4 (июль — август)

Учредитель: Российская академия наук, Президиум





## ИСТОКИ МОРАЛИ В АРХАИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ. НА МАТЕРИАЛЕ "ИЛИАДЫ"

ЧЕЛОВЕКОЗНА-НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ. МЕТОД

Р.Г. Апресян

© 2011

## Ахилл, Патрокл, Гектор

Череда возмездий. Отринув гнев на царя ахейцев, Ахилл возврашается в битву. Но герой отнюдь не избавляется от него. Его дущу раздирает еще больший гнев — в отношении к Гектору, поразившему в бою Патрокла, ближайшего друга Ахилла. Эти персонажи связаны разнообразными отношениями. В перспективе становления свойственного морали нормативно-ценностного мышления опыт этих отношений, внутренний и внешний, заслуживает специального внимания.

Ахилл жаждет отмщения. Горе героя, переживающего смерть своего ближайшего друга, понятно, гольятно и его желание отомостить за Патрокла. Но последний был убит в битве, и строго говоря, Гектор, поразив его, не совершил ничего предосудительного ни по нравственным нормам акейского общества, ни по каким-либо иным: смертельное поражение противника на войне убийством не считается. Война наполнена смертями тысяч воинов. Патрокл — одна из ее жертв, пусть и трагическая. То, что Гектор лицы, добивает своего противника, уже пораженного сначала Аполлоном, а потом Эфорбом (сразу после своего удара отбежавшего и потерявшегося в толпе), не придает ему славы, но и не уменьшает ее. Никто в "Илидае" — ни смертные, ни боги, — не осуждает Гектора за такую победу. Ахилл об этой особенности и ибели друга не знает.

Своей смертью Патрокл, исполняя в сражении роль Ахилла, как бы искупает перед ахейцами его вину. В каких-то эпизодах Патрокл — всего лишь клеврет, не только в исходном значении этого слова (сподвижник, соратник, товариш), но и в современном (прислужник, разуместся, без современных нетативных коннотаций). Но вместе с тем он ближайший сподвижник акейского воина. Так что у Патрокла есть все основания выйти на битву под видом своего друга, как бы замещая его. Перед битвой он выпрашивает у героя его доспехи. Он хочет выглядеть Ахиллом, резонно полагая, что троянцы примут его за такового, пре-



Апресян Рубен Грантович доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии РАН. Постоянный автор журнала. Е-mail:

apressyan@mail.ru

Окончание. Начало см.; Человек. 2011. № 3

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; грант № 11-03-00325а, на основе исследования, проведенного при поддержке Swedish Collegium for Advanced Study (Швеция).

21



кратят бой, и это позволит отразить их от ахейских судов. И в самом деле, троянцы, увидев знакомые доспехи, решают, что против них вновь вышел Ахилл. Одно только предположение о присутствии этого воина в сражении поколебало их отвагу.

Олнако Патрокл не только облачается в доспехи своего друга. Он обуреваем чувством, которым должен быть охвачен герой — защитник народа. Ведя мощное мирмидонское воинство<sup>1</sup> в битву, он призывает его прославить Ахилла, первого из акейскиз воинов, и показать Атамемнону "косль он преступен, акейца храбрейшего так обесчестив!" (ХУІ:274). Такими словами он ворде бы лишь воспроизводит Ахилла в его установках и устремлениях. Однако, отпращиваясь у акейского героя в бой, он говорит о другом — что нужно помочь акейцам, "спасти от напасти позорной" (ХУІ:32). С помощью рати мирмидонцев (и это упоминание войска тоже показательно для Патрокла) он надеется стать светом для ахейцев (ХУІ:39), чтобы те, "боем уже изнуренные", в поле отдохнули (ХУІ:42). Этим Патрокл принципиально отличается от охваченного гневом Ахилла, который позже вступает в битву, озабоченный лишь миценка за емерть друга.

Патрокл в пылу сражения наносит трояннам удар за ударом. Гомер ведет счет его жертвам, поименно называя 16 павших от его руки воинов<sup>3</sup>. В ходе атаки Патрокла Сарпедон, царь ликийцев, союзных Трое, увидев, ксиолько воинов его пало, бросился на друга Ахилла, чтобы отомстить за поверженных им воинов, однако пал в короткой схватке (при этом Патрокл еще сразил и его слугу). Поразив Сарпедона.

Патрокл, наступивши пятою на перси, Вырвал копье, — и за ним повлеклась оболочка от сердца: Вместе и жизнь и копье из него победитель исторгнул. (XVI:503—505)

Умирая, Сарпедон призывает Главка отомстить за него. Однако Главк ранен в правую руку и сам биться не может. Он собирает в боевой порядок ликийцев и сообщает Тектору об очередной потере троянцев от руки Патрокла.

Между тем, сражающийся Патрокл призывает Аяксов пробиться к павшему Сарпедону, чтобы тело его "увлечь и над ним порутаться, /С персей долсеми сорвать", а заодно и поразить ко-го-нибудь из тех, кто пытается отбить тело павшего Сарпедона (XVI:559—561). Впрочем, ни Аяксам, ни самому Патроклу не до этого. Они упосны битвой. И только когда Зесь виущает троянцам ужас и они начинают спешно отступать к крепости, у Патрокля появляется возможность сорвать с тела Сарпедона почетный тоофей, который он поручает сорататникам отнести в стан.

Забыв наказ своего друга быть сдержанным в бою, чтобы не пасть безвременно ухищрениями поддерживающих троянцев бопов и, в то же время, чтобы не обрести всю меру славы, на которую претендует Ахилл, Патрокл уже пытается атаковать саму

1 Ахилл выставил всю свою рать, состоящую из пяти шеренг, по 500 воинов каждая. Двое из пяти воевод были героями, то есть рожденными от богов. <sup>2</sup> Слова "взыскал возмездие" (àpetínuto poinen, XVI:398) в гнедичевском переводе, или "пеню взыскал" в вересаевском можно понимать буквально, что Патрокл брал трофеи, а можно и так, что он нес наказание, мстил за погиб-

ших товарищей.



Трою. Однако Аполлон останавливает его своим окриком. Одновременно он возбуждает Гектора на съвтату с Патроклом обещанием победъм. К тому же Гектор хогел бы отомстить за Сарпедона. При атаке Гектора Патроклу удается сразить сильным ударом камня его возницу, сводного брата Кебриона. Сразив, Патрокл как бы продолжает битву, унижая павшего горькими словами. Из-за тела Кебриона между Патроклом и Гектром возникает скватка, сопровождаемая новым противостоянием акейцев и троянцев. В ней "Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный; / Сын же Менетнев за ногу влек" (ХVІ:762—763). Тело Кебриона и его доспеки в результате достаются акейцам, а Патрокл вновь и вновь нападает на троянцев, неся им гибель. В ходе его новых атак пало еще 27 воннов.

Патрокл уже готовится к новой атакс, однако Аполлон наносит ему элополучный удар и дает таким образом возможность Гектору добить герои ударом копья в пах. В победных словах Гектор грозит Патроклу, что тело его будет предано воронью. Тот в ответ завивлет, что этакет о том, что пал умыслом Зевса и под ударом Аполлона, да еще и ударом Эвфорба, иначе он не стал бы добычей Гектора, смерть которого совсем не за горами. ОтА.А. Иванов. Приам, испращивающий у Ахиллеса тело Гектора. 1824. ГГГ. Москва



махнувшись от этой угрозы бравыми словами, Гектор "медную пику из мертвого тела / Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь" (XVI:862-863)3. Эта картина зеркальна уже знакомым читателю эпизодам. Вышепривеленные слова Патрокла касательно павшего Сарпедона оказываются осуществленными Гектором в отношении павшего Патрокла и его доспехов.

3 Подобное обраще-

Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла<sup>4</sup>, Влек, чтобы голову с плеч отрубить изошренною мелью. Труп же его изувеченный псам на съедение бросить. (XVII:125-127)

ние с противником в архаическом обществе обычное дело: Агамемнон в одном из сражений не ко-

Гектор не надругался над телом Патрокла в полную меру лишь потому, что не успел, сначала увлекшись битвой, потом заботой о добыче — доспехе, а затем ему воспрепятствовал Зевс. расположенный к Патроклу (XVII:272-273). Но вокруг тела последнего развернулось нешуточное сражение, в котором каждая из сторон пыталась его захватить5. Аяксу Теламониду и Менелаю ясно, что станет с телом, не сумей они отбить его у Гектора (XVII:241). О грозящей унизительной участи сообщает Ахиллу и вестница богов Ирида (XVIII:175-177). Ее сообщение точно удостоверяет, что бы последовало за захватом тела Гектором.

леблясь вонзил пику в троянского воина. молившего мягкосердечного Менелая о даровании ему жизни за выкуп, а потом. "ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул" (VI:65). 4 Эта ситуация неоднозначна. В данном стихе говорится, что Гектор снимает доспехи с Патрокла, между тем как в эпизоде гибели этого воина описывается, что Аполлон, ударив Патрокла в спину, делает так, что пика его ломается, а доспехи падают на землю. И если так, то у Гектора не было права забирать их в качестве трофея. Характерно, что при последующей схватке за тело воина именно Эвфорб претендует на славу победителя

И вот в бой, словно "лев-истребитель" (XX:164), врывается Ахилл. Он устремляется к Гектору, желая его поражения прежде всего. Поначалу его воинский успех не так значителен, как у Патрокла. Первый поединок, с Энеем, обрывается, потому что того спасает Посейдон, напустив тумана в очи Ахилла. До встречи с Гектором ахейский герой успевает поразить лишь четырех троянцев. Увидев издали Гектора, Ахилл призывает его подойти побли-

же, чтобы они могли сразиться. Гектор же, как будто вторя Энею,

замечает (по коммуникативной схеме: каков ты, таков и я): Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами Ты устращить ласкаещься: так же легко и свободно Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.

(XX: 431-433)

(XVII:14-16). 5 Так же, как тело спаженного Кебриона, в схватке Патрокла и Гектора тело поверженного Патрокла оказывается расположенным головой в сторону соратников, а ногами - в сторону противника.

Как и Эней, Гектор первым наносит удар, метнув копье. Но оно отводится покровительствующей Ахиллу Афиной. Со своей стороны, Ахилл четырежды пытается сразить Гектора копьем, и каждый раз его удары не попадают в цель попечением Аполлона. Понимая, что Гектор под божественной защитой, Ахилл решает отложить решающий бой и бросается против других троянцев, поражая одного за другим многих и многих воинов. Гомер называет 23 поверженных Ахиллом врага, причем за поименное перечисление других Гомер просто не берется, ограничившись сравнением атаки ахейского героя со страшным лесным пожаром. От него "заструилося черною кровию поле"



(XX:494), кровавые брызги хлестали, "как дождь" (XX:501–502). Так "пылал он добыть между смертными славы, / Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки" (XX:502–503). Отступавших троянцев Ахилл разбил на две части и, набросившись на ту из них, которая пыталась спастись бегством через реку, устроил жуткую резню, которую перевал ненадолго лишь для того, чтобы захватить в плен двенадцать юношей для ритуального метительного заклания на погребальном костре Патрокла. А затем "олять на врагов устремился, убийства аикая" (XXI:33).

В холе боя Ахиллу попадается один из сынов Приама Ликаон, которого он однажды, до ссоры с Агамемноном и выхода из битыь, уже пленял. Тогда, сохрание вму жизнь, он продал Ликаона на Лемнос, откуда тот был выкуплен. Опять надеясь на милость Ахилла и обещая выкуп втрое больший прежнего, Ликаон припадает к его коленам с мольбой: "Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй! / Я пред тобою стою как молитель, достойный пощады!" (ХХІ:74—75). Понимая, что Ахилл жаждет мщения за погибшего Патрокла, он пытается отвести от себя погибель уверением, что Гектор ему не единоутробный брат и, стало быть, он не должен нести ответственность за эло, совершенное последним. В ответ на мольбу Ликаона Ахилл замечает: "Миловать Трои сынов имогда мне бывало приятног (ХХІ:101). Ахилл и Приам. Древнегреческая ₩₩₩₩₩ ЧЕЛОВЕКОЗНА-НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД ₩₩₩₩₩₩



Гектор, облачающийся в доспехи Ахилла

> Речь здесь не идет о милосердии, хотя снисхождение к моляшим — это моральная норма гомеровского мира. Милость к захваченным на поле брани имела целью получение выкупа в той или иной форме. Но после гибели Патрокла Ахилл жаждет только расплаты — от весх трояншев и тем более от детей Прияма (XXI:105—106). Ахилл уже — машина мшения. И он убивает Ликапа — убивает не в бою, а безоружного и незащищенного, наперекор его мольбе. А убив, швырает его тело в реку, со словами:

Там ты лежи, между рыбами! Жалиые рыбы вкруг язвы Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Кеанф быстротечный Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское. (XXI:122—125)

Эта жестокость возмутила Ксанфа, духа реки, и он попытался осадилъ Ахилла руками одного из союзных троянцам воннов, Астеропея, однако безуспешно. Повергиря его, Ахиллу указывает на неравность сил: не может порожденный рекою (Аксием) противостоять тому, кого опекает Зевс. Тем самым он косвенно отвечает Эню, который хвалился своим происхождением.

Покончив с Астеропеем, Ахилл набрасывается на группу пеонийцев, поражая одного за другим. И поразил бы еще больше,

Р. Апресян Истоки морали в архаическом обществе

если бы на его пути не встал сам Ксанф, бог реки, заполненной сверх меры жертвами и разгневанный безудержностью Ахилла в истреблении. Перед его натиском асибский герой не устоял, и если бы не помощь богов, Ксанф одолел бы воина. Освободившись от преследования Ксанфа, Ахилл "в грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих" (ХХІ:521). Слустя какоето время, Приам, наблюдавший с крепостной стены за ходом битвы, увидел, что со стороны Трои Ахиллу уже никто не противостоял. Набоборот, троянцы в панике убегали с подля сражениях.

Будь Ахилл настроен не на мшение, а на победу над врагом, Троя в тот же вечер могла бы пасть. Но ему было не до того, что хорошо чувствовал Аподлон. Патрокл рвалея к Трое, желая победы над противником. Ахилл же мог взять город, но устремился в погонно за одним из тромицев, а на самом деле за Аподлоном, который, приняв образ воина, противостоящего Ахиллу, понесся, улаская за собой простолушного героя, в сторону от городских ворот, чтобы позволить бежавщим с поля брани добраться до убежища. Заманив Ахилла подальше от города, Аполлон с насмешкой открывается ему. И Ахилл, прежае чем повернуть назад к полю сражения, признавая свое бессилие перед богом, тем не менее бросает Аполлону, что иначе бы непременно ему *отможены*.

Перед нами не просто проходят эпизоды отдельных схваток в сражении. В этих эпизодых разворачивается спираль вендетты. Месть за погибшего соратника — обычное дело; ее вершат как акейцы, так и трожнцые, экабцы несут потери, хотя и не встречаем у Томера случаев надругательств защитников Трои над телами поверженных. Но дело, конечию, не в том, что трожнцы, и даже Гектор, милосерднее или гуманнее. По замечанию С. Бассета, Гомер как грек не мог допустить демонстрации даже отдельных случаев превосходства трожнцев над своими соплеменниками? Не Ахилл начинает цепочку мицения, и не он ее завершает. Многочисленные участники противостояния уверенню отвечают элом на эло. И правило эдесь одно — не преуменьшить напосимый в ответм исцеб?

Взаимиость. И вот Ахилл и Гектор встречаются на поле боя. Хотя последний и выглядит, "словию горный драком" (XXII-93) и "несмиримого мужества полный" (XXII-96), при виде Ахилла, который был грозеи, как Эниалий-Арес, "стращный... / Будто отнь распылавшийся, будто всколящее солние" (XXIII-34—155), его охватывает страх, и он, не в силах оставаться на месте, пускается в бестель. Как Аполлон отвлек Ахилла от сражения, так и Афина, во всем помогающая Ахиллу, обманным путем увлекает Гектора к битве. Гектор выходит к Ахиллу, Но прежде чем вступить в бой, он обращается к нему с предложением договориться о том, чтобы победитель, кто бы им ни был, не бесчестил тело побежденного. Причем не просто договориться но дать к изить к изгтку.

Заслуживает внимания то, в какой форме Гектор делает Ахиллу свое предложение:

<sup>6</sup> Ср. неустанные взаимные усилия троянцев и ахейцев отомстить за павших соратников в: Ил. XIII: 384, 402, 414, 446. 7 Bassett S. Achilles' Treatment of Hector's Body // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1933, Vol. 64, P. 46, <sup>8</sup> Так, в пылу сражения Идоменей торжествующе восклицает: "Три сражены за еди-HOFO!" (XIII:447).



Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть; Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совляеку я, Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни. (XXII-256—259)

Тем самым Гектор вроде бы задает некое изменение в существующем этосе войны и закладывает новую модель отношений, основанную на особом виде взаимности. Здесь нет требования или ожидания поступка. Гектор заявляет, что в случае если победа будет за ним, он, взяв трофей, не обесчестит гело. И лишь на основе своего заявления высказывает ожидание такого же поведении от Ахилла в случае, если сам будет убит. Своим предложением Гектор сообщает, как бы он хотел, чтобы поступили по отношению к нему, и при этом заявляет, что он сам будет действовать именно так.

Похожие, хотя и не идентичные, коммуникативные ситуации возникают и в других эпизодах. Например, перед вступлением в сражение Патрокла и мирмидонской рати. Патрокл решается на это после того, как Ахилл отвечает отказом на его отчаянный призыв встать на защиту ажейцев. Патрокл требует от Ахилл действий, которые он сам бы совершил на его месте, и видя, что Ахилл непробиваем в своей злобе против Агамемнона, он поступает так, как должен, по его убеждению, поступить Ахилл. Поэтому он не просто примеряет — он, идя в бой, надевает Ахиллому он ке просто примеряет — он, идя в бой, надевает Ахиллому он ке просто примеряет — он, идя в бой, наде-

Это происходит сразу после возвращения Патрокла от Нестора, к которому он послан был Ахиллом узнать подробности сражения. Отвечая Патроклу, Нестор заволит, казалось бы, неуместный по длигельности и немыслимому количеству деталей рассказ о своих давних датных подвитах, когда он был в возрасте и в мощи Ахилла. Однако этим рассказом он прямо противопоставляет себя ахейскому герою. Заввляя, как он бы вел себя на месте Ахилла перед лицом опасности для своето народа в приближении сражения (XI.765), Нестор фактически открыто выражает свое ожидоние в отношении поведения Ахилла.

Гектор не впервые высказывает такую идею. За несколько дней до того, призывая посреди приостановленной битвы когонибудь из эжейцев выйти сразиться один на один, он предлагает почти то же: при победе взять трофей, а тело вернуть для достойного захоронения (VII.76—86). Котя его предложение построено иначе, чем предложение Ахиллу — сначала он предлагает данную модель поведения противнику, а потом берет на себя идентичные обзазательства, — по сути оно тождественно вышеупомянутому: Гектор инициативно предлагает обустроить возникающие отношения по схеме, отличной от той, что принята и закреплена в бытующих нравах. К этому стоит добавить, что Гектор со своей стороны, отказываясь от того, чтобы бесчестить тело поверженного врага, надестся, тем не менее, стяжать славу в глазах потом-

ков — самим фактом достойной победы (VII:87—91). На бой с Гектором тогла вышел Аякс Теламонил.

Р. Апресян Истоки морали в архаическом обществе

Вообще в гомеровском мире договоренности в бою возможны. Возможно даже примирение, дружеское примирение (трудно сказать, случалось ли такое в исторической реальности XII—X веков до н.э.). Так, ахеец Диомед и ликиец Главк, пожелав перед решительной схваткой в бою узнать имена друг друга, признают себя связанными узами гостепримитела своих предков, прекращают бой и, обменявшись подарками, договариваются обходить друг друга в последующих ратных схватках (VI:119, сл.).

Нечто похожее происходит в сражении один на один Гектора с Аяксом. Хотя противники сражаются со всей своей силой, ни одной стороне не удается добиться перевеса. В самый острый момент между сражающимися неожиданию появляются вестники от каждой стороны, и вестник от трояниев предлагает им ввиду приближающейся ночи остановить схватку. Аякс сразу соглашаетея при условии, что Гектор как инициатор единоборства заявит о готовности прекратить бой. Гектор не просто поддерживает предложение вестника, но высказывает Аяксу всяческие комплименты и предлагает в знак взаимного уважения обменяться подарками. И опять-таки, в таком исходе сражения Гектор видит возможность булишей славы:

Некогда пусть говорят и Троады сыны и Эллады: Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце; Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной. (VII:300—302)

С этими словами Гектор "меч подает среброгвоздный / Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным", а Аякс вручает ему "блистающий пурпуром пояс" (VII:303-305). В гомероведении не раз отмечалась неравноценность данного обмена, как обмена между Главком и Диомедом, при котором Главк "доспех золотой свой на медный. / Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять" (VI:235-236). Про Главка Гомер замечает, что Зевс в тот момент похитил у него разум, и многими комментаторами это замечание воспринимается как ироничное. Однако неравноценность — характерный показатель обмена дарами, тем более символического. В отличие от коммерческой сделки, которой также свойственна взаимность, при обмене дарами (а не товарами) взаимность воплощается в выражении уважения всеми возможными средствами. Обмен дарами может носить символический характер, и символичность самого факта обмена важнее для участников и для сообщества, чем ценность тех предметов, которыми обмениваются. Равенство здесь не непременно. Как справедливо подчеркивает Р. Сифорд, "торговый обмен воплощает отношение между обмениваемыми предметами, а не между включенными в обмен сторонами"9. В коммер-

<sup>&</sup>lt;sup>9</sup> Seaford R. Introduction // Reciprocity in Ancient Greece / Eds. C.G. Normann, P. Waite, R. Seaford. Oxford: Univ. Press, 1998 P. 3





10 Harries B. 'Strange Meeting': Diomedes and Glaucus in 'Iliad' 6 // Greece & Rome: Second Series. 1993. Vol. 40, № 2. P. 142. 11 Calder W.M., III. Gold for Bronze: Iliad 6 232-36 // Studies Presented to Sterling Dow on his eightieth birthday / Ed. A.L. Boegehold, Durham: Duke University, 1984 (GRBS Monograph 10), Р. 34, Впрочем. распределение социально-статусного достоинства в различных отношениях обмена благами было неодинаковым. При выкупе (а также, например, в торговых пошлинах) получатель благ оказывался в очевидно доминирующем положении, в то время как при расплате за предоставленные услуги доминирующее положение обретал дающий (Donlan W. The Unequal Exchange between Glaucus and Diomedes in Light of

1989. Vol. 43. № 1, Р. 3). <sup>12</sup> Подробнее см. с. 24–27 предыдущего номера. — *Ред*.

the Homeric Gift-

Economy // Phoenix.

30

ческой сделке стремление к прибыли доминирует над желанием добра другому, желание добра не существенно для сделки.

Мы видим, что в каждом из приведенных эпизодов троянцы демонстрируют снисходительность и щедрость. Обмен дарами представляет собой символическое по существу действие, хотя фиксируется оно сугубо в материальных терминах (золото, серебро, медь, крупный рогатый скот) и выражается тем самым в терминах торговой сделки. Эпизод примирения Диомеда и Главка особенно показателен. Разносторонне разбирая его, Б. Харрис усматривает в обмене речами этих персонажей своеобразное продолжение сражения, в котором Диомед одерживает дискурсивную победу, закрепляемую тем, что в совершенном обмене его приобретение несравненно больше. К тому же, таким образом воспроизводится традиция: при обмене дарами, осуществленном их дедами, материальное приобретение было на стороне деда Диомеда<sup>10</sup>. Между тем заслуживает внимания замечание У. Калдера относительно того, что Главк совершал обмен не безрассудно, а желая продемонстрировать именно свое превосходство<sup>11</sup>, — в соответствии с той древней традицией обмена дарами, по которой богатство проявлялось в первую очередь не в приобретении, а отдавании, состязательном дарении, в великодушии, шедрости и посредством этого — в обретении дружеских отношений. Timē12 получавшего дар, конечно, повышалось самим фактом дара, но time дающего возвышалось больше, поскольку демонстрировало его богатство, социальную мощь и, соответственно, благородство. Что касается иронии Гомера, то, возможно, она была обусловлена простодушием. Как предположил Калдер, Гомер, будучи точным в передаче обычая дарения, вероятно уже по-настоящему не чувствовал его ритуального и внутреннего символического смысла.

В целом же Гектор отнюдь не был носителем иного этоса. Он — дитя своего времени. Его предложение Ахиллу ситуативно. Оно если и выражает его нрав, то лишь отчасти. Мы помним, что буквально накануне в бою с Патроклом он ведет себя 
совершенно ординарно: закватив доспежи Патрокла, собирается 
осквернить его тело (XVII:125—127). С Патроклом не было предварительной договоренности. Возможно, не было потому, что 
битву с ним Гектор не рассматривал в качестве судьбоносной. 
И вообще ни в одном другом случае Гектор не делал таких предложений противникам.

У Ахилла есть все основания отвергнуть предложение Гектора, что он и делает во гневе: не может бъть никаких соглашений между врагами; дъвы и дюди, волки и агнцы "не могут дружиться согласием сердиа; / Вечию враждебны они и здомышленны друг против друга" (ХХ:253—264). Не может быть никаких договоров, никакой любаи (рhillēmenai) между Ахиллом и Гектором, "поколе один, распростертый, / Кровью своей не насытит свирепого бота Арея!" (ХХ:266—267). В самом деле, это совсем другого рода схватка, чем та, что была между Гектором и Аяксом, когда они



Р. Апресян Истоки морали в архаическом обществе

Ахилл и Гектор. Древнегреческая ваза. 500 г. до н.э.

вышли как индивидуальные представители воюющих ратей. Для Гектора данное сражение с Ахиллюм — одно из многих в многолетней войне. Для ахейского героя — это еще и личное дело. Во время распри с Агамемноном Ахилл заявлял, что у него не было никакой обиды на троянцев, и он пошел на войну лишь из общеахейской солидарности. Сейчас ситуация совсем иная: у него свой личный счет к троянщам, сосбенно к приамидам — детям Приама, братьми Гектора, и к Гектору в первую очередь. И здесь невозможны никакие межперсональные замещения.

Это не значит, что Ахилл не способен на отношение к другому, как к самому себе. Способен. Но пока только если этот другой — ближайший друг. Таково его отношение к Патроклу (XVIII:81—82). Косвенно о способности Ахилла относиться к другому, как к самому себе, свидетельствует и другой эпизол. В ответ на посольскую речь Одиссея, в которой тот стремится прикрыть позицию Атамемнона и добиться от Ахилла того, чего добивается Атамемнон, Ахилл заявляеть.

Мне ненавистен настолько ж, насколько ворота Аида, Тот, кто в душе своей прячет одно, говорит же другое. Прямо я выскажу вам, что мне кажется самым хорошим. (IX:312—314)<sup>13</sup>

Ахилл этими словами характеризует себя: это ему ненавистен тот, кто говорит одно, а скрывает в своей душе другое, и поэтому он будет говорить начистоту. Но тем самым он выражает ожила-

13 Эти строки приводятся в переводе Вересаева, чтобы можно было увидеть дословное совпадение с речью, которую произносит Одиссей в "Одиссее": "Мне ненавистны настолько ж. насколько ворота Аида, / Люди. которых нужда беззастенчиво лгать заставляет" (Од. XIV:156-157), Другое дело, что Одиссей под сурдинку этих и подобных выражений дальше (Од. XIV:192) продолжает хитроумно скрывать перед своим преданным старым слугой свое имя, представляясь случайным странником.

ЧЕЛОВЕКОЗНА-НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

**扁扁扁扁** 



Ахилл и Гектор. Аттическая ваза. 490 г. до н.э.

ние в отношении Одиссея и, через него, Агамемнона, как следует себя вести.

Сюжетные коллизии поэмы таковы, что герои оказываются в схожих положениях. В наибольшей степени это касается, что уже отчасти отмечалось, Ахилла и Патрокла, Патрокла и Гектора, Гектора и Ахилла, — значимость сцепок этих персонажей многоуровнева. Материально-символическим посредником этих отношений выступают доспехи Ахилла. Патрокл надевает их, чтобы заместить Ахилла, и своими решениями и действиями он, как говорилось, замещает своего друга. Сорвав с павшего Патрокла доспехи и водрузив их на себя перед сражением с Ахиллом, Гектор принимает на себя и судьбу Патрокла. И он так же увлекается в бою, в его поражении, как и в поражении Патрокла, замещаны боги (хотя и с разной степенью включенности). Как Патрокл забыл о наставлении Ахилла не увлекаться. так и Гектор игнорирует совет Полидамаса (XIV:254). Бассет замечает, что схожи последние слова Гектора и Патрокла, и даже смерть их настигает приблизительно в олном месте — нелалеко от главных ворот Илиона<sup>14</sup>. Гектор схож с Патроклом и в своей по-смертной сульбе.

Тектор параллелен не только Патроклу, но и Ахиллу. Он выходит на битву в его доспехах. Еще до обращения к Ахиллу с предложением взаимного соблюдения чести другого Тектор символически уже как бы поставил себя на место Ахилла: он как бы уже залеза в чужую шкуру, то есть в его доспеха.

Все эти сопряжения персонажей — гиперсюжетны, и в самой поэме они не играют никакой роли. Но сама по себе эта объективная сохместь, обнаруживаемая в разных обстоятельствах, что один оказывается в таком же положении, как и другой, является актуальной предпосылкой отношения к другому, как к самому себе и даже к чужим, как к свюми.

14 Bassett S. Op. cit.

Схвятка между Ахиллом и Гектором была короткой. Гектор понадеялся на помощь своего брата, но скоро понял, что в облике брята пришла к нему Афина, благоволящая Ахиллу, и ему помогавшая так, как Гектор ожидал от брата. Да и Ахилл намекает Гектору, что в битве ему покровительствует Афина (XXII:270—271). Обрушив на своего врата смертельный удар, Ахилл, торжествующий отминением, добивает его словами, предупреждая, что тело его "тиниы и псы разорвут", а Патрокла "погребут аргивяне" (XXII:336, Мольбу Гектора, отдать его тело троянцам в обмен на выкуп (XXII:338—343) Ахилл отвергает еще более решительно, чем предложенный недавно Гектором договор, и повторяет утрозу. "Птицы тьой тури и псы мирмидонские весь растеравнот"

Р. Апресян Истоки морали в архаическом обществе

(XXII:354). Полагаю, этот эпизод имеет во многом лишь поэтический смысл и был привнесен в поэму для усиления впечатления о гневе Ахилла. Соглашения и компромиссы на поле брани крайне необычное явление<sup>15</sup>. Приводившиеся выше примеры как раз являются исключением из правила. В схватке Главка и Лиомела сражающиеся не столько вхолят в соглашение. сколько восстанавливают существовавший союз. Бой Гектора и Аякса представляет собой скорее поединок. Однако обращение с мольбой о снисхождении к телу со стороны того, кто погубил близких победителя, было недопустимо по этосу того времени и могло свидетельствовать лишь о малодушии просителя. Так, Патрокл, убивший Сарпелона, не просит Гектора о снисхождении. И вместе с тем Гектор просит Ахилла не делать с ним того, что сам он собирался сделать с телом Патрокла. Это дополнительно свидетельствует в пользу того, что предложение Гектора перед боем с Ахиллом носило не принципиальный, а ситуативный характер. Оно не выражало действительного нрава Гектора. Однако, вместе с тем, оно не может не восприниматься как некое проявление тенденции, уже наличествующей в сознании и коммуникативном опыте, тем более что по сюжету довольно скоро эта этическая потенция будет актуализирована в поэме. Вель эта тенленция лемонстрируется самим Гектором. который уже показал нам, что способен мыслить по модели: "как ты, так и я", "как я, так и ты". Обращаясь к Ахиллу с мольбой, он мог бы и понимать, что тот правомочен поступить по отношению к нему так, как сам Гектор поступил по отношению к Патроклу. Но он молит: мольба — голос последней належды. Он отнюль не уповает на то, что заявив о некоем возможном стандарте поведения, он уже может положиться на его принятость.

С поверженного Гектора Ахилл снимает доспехи, возвращая тем самым свое, дар Пелея. Подбежавшие к месту схватки ахейцы радостно пронзают бездыханное тело Гектора копьями (XXII:375).

С этого начинается череда действий, предпринимаемых Ахиллом для возможно большего унижения Гектора в его смерти. Попечением богов тело вождя троянцев остается негленным <sup>15</sup> Cm.: Wilson D.F. Ransom, Revenge, and Heroic Identity in the Iliad. Camb.: Univ. Press, 2002. P. 28.



W W W W W

и неизувеченным (XXIII:184-191), но это только подчеркивает чрезмерность поруганий Ахилла. Затруднительно сказать, были ли в архаическом обществе какие-то ограничения на степень унижения тела противника. Мы знаем из Гомера, что в порядке вешей было, отрезав голову, насадить ее на кол, а тело в буквальном смысле бросить на пожирание собакам и зверям. То обращение с телом павшего врага, которое демонстрирует Ахилл, вновь и вновь в порывах горя и гнева волочивший его вокруг могилы Патрокла, имело символический смысл. Как отмечает К.У. Маклаул, похожий ритуал — троекратное волочение вокруг могилы убитого его родственниками тела убийцы — был известен в Фессалии<sup>16</sup>. Ахилл — как раз родом оттуда. И Бассет обращает внимание на то, что в героическую эпоху в Греции никто не ожилал, что тело убитого врага не булет брошено на съеденье псам, разве что его вызволят родственники или соратники. Во всей "Илиаде" только однажды тело врага предается погребальному обряду. Его совершает именно Ахилл в отношении Этиноя, царя Киликии, павшего от его руки во время рейдерского набега (VI:415-427). Тем не менее, бесчинства Ахилла богами воспринимаются как недопустимые и оскорбительные. И не только в отношении Гектора, его семьи и троянцев, но в большей мере в отношении самих богов (XXIV:39-54, 113-115).

Хотя бесчинства, причиняемые Ахиллом телу Гектора, внешне сопоставимы с теми тревогами, что выпали на долю тела павшего Патрокла, когда троянцы и ахейцы дрались за него, фактически вырывая друг у друга из рук (XVIII:150-164), посмертная участь Гектора унизительнее. Чинимые Ахиллом унижения непропорционально велики, и нет им никакого оправлания ни в глазах богов, ни в глазах люлей. Сверхмерность жестокости Ахилла косвенно подчеркивается тем, что ей в поэме нет никаких аналогов. Эта жестокость в самом деле исключительна. Ненасыщаемая мстительность Ахилла решительно выпадает из присущего гомеровскому миру этоса.

Потребовалось вмешательство богов, чтобы надругательства наконен прекратились. Зевс дает Ахиллу знать, что следует оставить тело Гектора в покое; а Приаму посылает через Ириду весть, что следует отправиться к ахейскому герою с богатым выкупом. При этом он замечает про Ахилла: "Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец; / Он завсегда милосердо молящего милует мужа" (XXIV:157-158), и эту характеристику слово в слово повторяет Приаму Ирида (XXIV:186-187).

Приам с божьей помощью пробирается в стан Ахилла и, припав к его коленам, обращается с мольбой о выдаче тела сына. Он не апеллирует к тралиции, обычаю или примеру героев: в качестве довода он просит Ахилла вспомнить своего отца и, стало быть, отнестись к Приаму так, как хотел бы, чтобы отнеслись к Пелею, окажись он в таком положении (XXIV:503-504). Эти слова трогают сердце героя, который, как мы можем видеть по ряду эпизолов, не чужд сочувствия. Хотя Приам — правитель

16 Macleod C.W. Homer, Iliad, Book 24. Camb.: Univ. Press. 1982. Цит. по: Griffin J. The Poetry is in the Pity // The Classical Review. New Series 1983. Vol 33 No 1 P 5

троянцев, его врагов, Ахилл относится к нему, как с воему отпу: он соглашается отдать тело Гектора. Приняв дары, он устраивает Приаму угощение, а затем укладывает на ночлег. Не выкуп, но сострадание оказывается тем мотивом, который подвигает Ахилла благосклонно отнестись к мольбе правителя Трои.

Трудно разделить мнение, что Ахилл соглашается отлать тело Гектора, чувствуя свою вину за надругательства над ним17. Из текста поэмы этого не следует. Если и чувствует Ахилл вину, то перед Патроклом, что решением выдать тело Гектора, пусть и за большой выкуп, и совместной с Приамом трапезой он как бы предает его память. Трудно согласиться и с теми, кто полагает, что в отношении Ахилла к Приаму обнаруживается не альтруизм, а сознательное злоупотребление обычаем сбалансированной взаимности. попытка утвердить собственный авторитет средствами обобщенной взаимности и даже продемонстрировать Ага-

мемнону свое моральное превосходство<sup>18</sup>. Нет, Ахилл полон именно сострадания. Оно вызвано мольбой Приама отнестись к нему, как к отцу. Нет оснований говорить здесь и о моральной победе над Ахиллом его врагов. Сама ситуация, пусть и локализованная во времени, такова, что в ней преодолена враждебность — преодолена коленопреклонением Приама и его мольбой, обращенной к Ахиллу, да и расположением самого ахейского героя. Пусть и склоненный Зевсом, Ахилл искренне откликается на мольбу Приама и, соглашаясь вернуть тело Гектора, совершает ряд действий, которые свидетельствуют не только о его снисхожлении, но и о лействительном уважении к властителю Трои. В том-то и дело, что в отношении с Приамом Ахилл ведет себя совершенно отлично от того, что предполагается героической этикой славы, чести и стяжания побед19. Достаточно сравнить эту ситуацию (XXIV: 509-512, 633) с характеристиками дружбы у Аристотеля<sup>20</sup>, чтобы увидеть, что Ахилл и Приам дружественны по самым высоким меркам классической Греции.

Тенденции. Анализ противостояния Ахилла и Гектора и ситуации снисхождения Ахилла в отношении Приама позволяет в пролюджение сказанного в первой части статьи сделать следующие выводы относительно тенденций развития морали в арханическом обществе.



Ахилл, волочащий тело Гектора

<sup>17</sup> См. напр.: Лосев А.Ф. Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. C. 97. 18 Postlethwaite N. Akhilleus and Anamemnon: Generalized Reciprocity // Reciprocity in Ancient Greece / Ed. C.G. Norman. P. Waite, R. Seaford, Oxford: Oxford U. P. 1998. P. 93-94. 19 Cm.: Yan H.K.T. Morality and Virtue in Poetry and Philosophy: A Reading of Homer's Iliad XXIV // Humanitas, 2003. Vol. 16. No. 1, P. 24. 20 Аристотель. Никомахова этика, 1158а, 1 / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 227.



• Возмездие предстает частным случаем более общего отно шения, а именно взаимности. Взаимность — доминирующая этическая ориентация в гомеровском эпосе<sup>21</sup>. Хотя и частным, но этически особенно значимым выражением взаимности явля ются отношения благорасположения, например, такого, с кото рым Ахилл отнесся к моляшему его о выдаче тела Гектора Приаму. Эпизод встречи Приама и Ахилла дает нам представление о прообразе "золотого правила", не в нормативном, а в поведен ческо-коммуникативном его воплощении. Правила как таково го, тем более золотого, здесь нет: как и надситуативного или надперсонального обобщения опыта отношений. Однако если попытаться реконструировать нормативное содержание складь вающегося отношения, оно уже выше "quid pro quo" ("услуга за услугу"), "ты — мне, я — тебе". Это как бы практически-комму никативный прецедент того, что будет названо золотым правилом. Его разновидности различимы не только в призыве Приам к Ахиллу: "Отнесись ко мне так, как ты хотел бы, чтобы отнеслись к твоему отцу", но и в предложении Гектора Ахиллу перед началом схватки: "Призываю тебя относиться ко мне так, как я собираюсь относиться к тебе", пусть и оказавшемся не принятым. Здесь очевидно и явно отношение к другому по образу желаемого отношения к себе самому. В качестве модели, предлага емой Приамом, это отношение взаимное и обратимое, пусть и воображаемо взаимное, предполагаемо обратимое. Эта потенциальная взаимность выражается в том, что само действие Ахилла (согласие на выдачу тела Гектора за выкуп) совершается в ответ на обращение к нему Приама при полном благорасполо жении к нему.

Ситуация эта интересна и тем, что Приам и Ахилл не равны по крайней мере формально. Троянский царь находится в положении просителя, коленопреклоненного, слабого. Тем не менее очевидно, что именно Приам морально доминирует в этой ситу ации, фактически "назначая" образ действия Ахиллу — сильному, облеченному властью, хозяину положения. И это тот образ действия, который впоследствии и будет закреплен в формуле золотого правила.

• В то же время это отношение со стороны Ахилла реально отноль не взаимное. По эпическому сюжету, Ахилл знает, что смертельным поражением Гектора он реализовал предзаданное богами условие собственной гибели. И в этом емысле со стороны Ахилла это отношение уже не просто выше "оці рто quo"; это отношение — другой категории. Если со стороны Приама задается прообраз мышления по типу заолотого правила, то со стороны Ахилла обнаруживается деяние, отношение по типу адаре, великодущного милосераци, заповеди любви. Ахилл в этом как будто даже архетипичен для греческого сознания. Как показал Г. Занкер, бескорыстное, самоотверженное поведение в отношении других, как правило, близких, демонстрируют различные персонажи Еврипида и Собокла. Тема самоотвержиное поведение в отношении других, как правило, близких, демонстрируют различные персонажи Еврипида и Собокла. Тема самоотвер-различные самоотвер-различные персонажи Еврипида и Собокла. Тема самоотвер-различные персонажи Еврипида и Собокла. Тема самоотвер-различные само

21 CM, of arow Zanker G. Beyond Reciprocity: The Akhilleus-Priam Scene in Iliad 24 // Reciprocity in Ancient Greece, P. 73; Postlethwaite N. Akhilleus and Agamemnon: Generalized Reciprocity. Р. 105-126. Общее представление о взаимности у Гомера см. в Donlan W. Reciprocities in Homer // The Classical World. 1982. Vol. 75. № 3. P. 137-175.



женного поведения с привязкой к Ахиллу затрагивается Фукидидом, Платоном, Аристотелем<sup>22</sup>. Правда, в отличие от более поздней христианской этики, в античном сознании идея адаре нередко совмещена с идеей philia; характерно, что в качестве примера самоотверженного поведения приводится чаще всего самоотверженность Ахилла, направленная на восстановление timē павшего Патрокла. Однако поведение Ахилла в отношении коленопреклоненного Приама, в общем идущее вразрез с преданностью памяти Патрокла, представляет пример другого рода — благоволение, во-первых, чужаку, во-вторых, без всякой уверенности во взаимности. Это то, в чем, по Аристотелю, воплощается наряду с прочим прекрасное, или благородное, то есть благое само по себе23, а именно поступки ради желательного не для самого совершающего их, поступки, которыми пренебрегается собственная выгода, которые "совершаются ради других, потому что такие поступки менее носят на себе отпечаток эгоизма"24. Однако относительно благоволения Аристотель высказывается более определенно в своих "Этиках", и там оно ограничено действиями в отношении своих — друзей. Поведение Ахилла при встрече с Приамом выпадает из этой логики. Занкер, отмечая экстраординарность поступка Ахилла в контексте "Илиады" (и. надо добавить, классической греческой мысли А.Т. Марков. Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора. 1824. Государственный Эрмитаж, СПб.

22 Zanker G. Op. cit. P. 76-77. 23 Аристотель, Риторика. 1366а 33-34 / Пер. с греч. Н. Платоновой, сверен О.В. Смыкой // Античные риторики. М.: MFY, 1978, C. 43. 24 Аристотель, Риторика, 1367а 4-5 // Там же. С. 44. (Используемый переводчиком термин "эгоизм" призван указать на незаинтересованность действия, несориентированность его на интересы агента.)



\*\*\*

вплоть до стоиков), вообще находит лишь одну аналогию этому эпизоду, а именно, притчу о добром самаритянине, в которой благодеяние оказывается совершенным чужаком<sup>25</sup>.

Так понимаемый эпизол встречи Приама и Ахилла полволит к выводу о возможно высоком этическом стандарте, содержашемся в архаическом моральном мышлении. Но этот вывод должен быть ограничен с учетом двух внутренних для самого этого эпизода и архаического мышления в целом обстоятельств. Во-первых, предположительные сценарии мышления и поведения Приама и Ахилла не только несколько содержательно разнородны (один актуализирует логику золотого правила, другой — заповеди любви), они различаются еще и тем, что позиция Приама рефлексивна, более того, поскольку она повторяемо рефлексивна (см.: XXII:419-420), то, пожалуй. и принципиальна, а Ахилл всего лишь добросердечно отзывчив и великодущен, и об этической рефлексивности его действий мы можем только догадываться. Во-вторых, ни та, ни другая позиция не обобщается ни агентами — участниками коммуникации, ни богами, ни самим эпическим поэтом и не доводится до уровня именно стандарта. Этим данный эпизод существенно отличается от притчи о добром самаритянине, которая пусть и представляет собой нарратив, но изначально выстроенный с назидательной целью, с возможностью прескриптивного вывода, который органично вплетен в общий нормативный контекст и идейную композицию "Евангелия от Луки".

• Последнее связано с более общей чертой архаического морального сознания, а именно той, что оно ненормативно; оно практически никогда не говорит на языке норм и правил. По крайней мере, в нем, как отмечает А.А. Гусейнов, "трудно найти сколько-нибудь строгий, вербально оформленный моральный кодекс, общие заповеди, соблюдение которых считалось бы критерием моральности"26. И вместе с тем оно императивно. Целесообразно различать императивную, или прескриптивную функцию, которую выполняет некий текст (письменный или устный), и те формы, посредством которых она осуществляется. Моральная императивность не всегда действует в нормативной форме, то есть оформленной в виде объективных, или надперсональных, универсальных, или адресованных ко всем норм. Она может проявляться в виде самой по себе реакции на другого человека — через адаптацию к другому. в том числе и посредством преодоления конфронтации с другим<sup>27</sup>. Эпический певец — не единственный, кто выступает в роли "субъекта" эпической императивности. Эпос насышен императивностью и на уровне частных нарративов, которые играют не меньшую, если не сказать, большую социализирующую и воспитывающую роль. Эпический поэт не морализирует. но эпические персонажи — боги, герои, благородные-agathoi постоянно высказывают в адрес друг друга ценностные и императивные (в широком смысле слова, не специфически мораль-

<sup>28</sup> Zanker G. Op. cit. P. 81.
28 Гусейнов А.А. Введение в этику. М.: МГУ, 1985. С. 44.
<sup>27</sup> Годробнее об эток: Апресан Р.Г. Коммуникативный исто-вик морально-го долженствования // Этическая мысль. Выл. 11 / Год ред. А.А. Гусейнова.
М.: ИФРАН, 2011.

ные) суждения, выражая ожидания, ссылаясь на жизненный опыт, напоминая о существующих традициях, приводя примеры достойных деяний великих мужей. Архаическое моральное мышление таково, что императивность носит в нем нарративно-ситуативный характер; большинство суждений относительно предпочитаемого, ожидаемого или надлежащего высказываются по частным случаям. Двухуровневый характер императивности эпоса — внутриэпический и сверхэпический — по-своему отражают структуру самой морали, существующей, с одной стороны. в форме непосредственных коммуникативных реакций, а с другой — в форме обобщенных и рационализированных норм. Но сам по себе факт такого характера императивности эпоса удостоверяет внутреннюю цельность, пусть и в форме синкретичности, ценностно-императивного гомеровского мира, благодаря которой и оказывается возможным разглядеть в нем истоки знакомой и понятной нам морали.

Р. Апресян Истоки морали в архаическом обществе